

КЭРОЛАЙН ДАНФОРД

СМЕРТЬ В ХРУСТАЛЬНОМ ДВОРЦЕ

Вишенка английского детектива

Вишенка британского детектива

Кэролайн Данфорд

Смерть в хрустальном дворце

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4-Вел)-44

Данфорд К.

Смерть в хрустальном дворце / К. Данфорд — «Эксмо»,
2018 — (Вишенка британского детектива)

ISBN 978-5-04-117327-2

Пока мир висит на грани войны, Эуфимия узнает, что угрозы кроются и на гораздо более личном уровне... Риченда Стэплфорд принимает извинения своего коварного брата Ричарда. Чутье подсказывает Эффи, что это очередное предательство. Риченда полагается на несвойственную брату доброту и, послушавшись мужа, ведет детей в Хрустальный дворец, где уже ждет Эуфимия. Когда Эффи узнает, что с немецкой делегацией на мероприятии будет британский шпион Фицрой, все встает на свои места. Она понимает, что последствия будут ужасны как для семьи Стэплфордов, так и для всего мира.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4-Вел)-44

ISBN 978-5-04-117327-2

© Данфорд К., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	22
Глава пятая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кэролайн Данфорд

Смерть в хрустальном дворце

© Жукова М., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая

Мы с Бертрамом помолвлены

Он даже купил мне кольцо. Оно очень необычное – изумруд в центре, в окружении чередующихся маленьких бриллиантов и аметистов, оправка из белого металла. Я думаю, что это кольцо сделано на заказ специально для меня. Надевая его мне на палец вчера вечером после ужина, он что-то лепетал про мою уникальность, про то, что я достойная и заслуживающая уважения женщина. Присутствовали только Ганс с Ричендой, но Бертрам все равно очень смутился. Надеюсь, он не будет в дальнейшем смущаться из-за моего происхождения – или, скорее, того, что он думает о моем происхождении, так как мне еще только предстоит рассказать ему правду. Или все дело в том, что он знает о моей помолвке с Рори? Мы были помолвлены совсем недолго, и я никогда не говорила об этом прямо. Я никогда больше не буду об этом даже заикаться – ни при каких обстоятельствах, а Рори – человек благоразумный, хотя и ревнивый. Надеюсь, ему хватит здравомыслия тоже не упоминать о нашей помолвке.

Из-за этого я задаю себе вопрос: сказал ли Бертрам Рори о том, что мы теперь официально обручены? Сейчас Рори служит мажордомом в поместье Бертрама «Белые сады». Оно расположено на болотах, дом регулярно заливают водой, и мне кажется, что он обречен – ничего хорошего при расположении в таком месте ждать не приходится. Большинство господ не делятся сокровенным со слугами, не доверяют им свои тайны, ну, если только камердинерам. Взаимоотношения джентльмена и его камердинера могут быть совершенно особенными и таинственными. Это очень желанная и престижная должность. Я думаю, что многие слуги считают ее чем-то похожей на должность хранителя королевских покоев во дворце. Камердинер оказывается ближе всех к господину в доме джентльмена. А Рори время от времени выполняет обязанности камердинера Бертрама и прислуживает ему, когда Бертрам останавливается в доме Мюллеров, я же все еще технически остаюсь компаньонкой Риченды, причем компаньонкой, которой платят жалованье. Все это довольно запутано.

Бертрам, Рори и я неоднократно попадали в такие ситуации, где мы оказывались на равных. Мы раскрывали тайны. Мы тщетно пытались добиться справедливого обвинения в убийстве старшего брата Бертрама и Риченды, Ричарда, а также признания его виновным в совершении ряда других чудовищных и гнусных преступлений. Вначале этими делами занимались только мы с Бертрамом, и один раз у нас даже получилось надеть на Ричарда кандалы. Затем в доме появился Рори, человек очень умный, что не всегда идет ему на пользу. Его один раз даже несправедливо обвинили в убийстве, и он стал частью нашего странного трио. Мы втроем подписали документ под грифом «совершенно секретно» – обязались посвятить свою жизнь нашей стране и монарху, если нас к этому призовут. В прошлом такие призывы исходили от одного весьма раздражающего, хотя и довольно обходительного типа – шпиона по фамилии Фицрой, и если честно, я была бы очень рада больше никогда в жизни его не видеть.

– О, какие цвета! Вы только посмотрите! – взвизгнула Риченда. Основное блюдо только что унесли. На самом деле такой энтузиазм, как сегодня при виде моего кольца, Риченда раньше демонстрировала только в ожидании подачи на стол пудинга.

– Очень необычное кольцо, – сказала я.

Бертрам решил встать на одно колено перед тем, как подарить мне кольцо, хотя он сделал мне предложение руки и сердца (а я его приняла) еще несколько недель назад. Он нежно смотрел на меня своими карими глазами, и его взгляд очень напоминал взгляд нового члена семьи – недавно приобретенного спаниеля ¹.

---

¹ Это был подарок Риченды удочеренной ею Эми, чтобы отвлечь внимание девочки от недавно родившихся близнецов –

– По-моему, оно очень красивое, – заявила я.

– Цвета суфразисток, Эфимия! – воскликнула Риченда. – Как здорово заполучить мужа, который верит в справедливость нашей борьбы.

Сказав это, Риченда мгновенно впилась зубами в булочку, чтобы не демонстрировать неподобающих или неуместных эмоций. (Я думаю, что Риченде потребуется немало времени, чтобы сбросить набранный во время беременности вес, если у нее это вообще когда-нибудь получится.)

Ее муж Ганс, элегантный мужчина, наполовину немец, мой добрый друг, с трудом сдержал вздох.

– Моя дорогая, может, это кольцо означает что-то другое? – высказал предположение он. – Может, оно имеет какое-то особое значение для них двоих? На кольце моей матери драгоценными камнями было выложено слово «любимая».

Ганс не против равенства мужчин и женщин, но придерживается вполне определенного мнения о том, как его следует добиваться. Он до сих пор испытывает раздражение от того, что из-за Риченды я оказалась в неприятной ситуации – в гуще яростной драки, а потом и в тюрьме...²

Бертрам встал и уселся за стол. Он посмотрел на меня, я едва заметно кивнула.

– Да, оно имеет значение для нас, но я не думаю, что мы сейчас готовы об этом рассказать. Да, дорогая?

Я слегка дернулась, услышав обращение «дорогая», но кивнула, показывая, что согласна. Я прекрасно знала, что Бертрам таким образом показывает, признает равноправие женщин, но ни он, ни я не хотели прямо говорить об этом Риченде. Ведь тогда между хозяевами дома начнется спор.

– Это прекрасно, – сказала Риченда, затем вздохнула и опустила глаза на внушительных размеров бриллиант в кольце, которое Ганс подарил ей, когда делал предложение. После этого она укоризненно посмотрела на мужа. Ее кольцо, несомненно, стоило дороже моего (Ганс – успешный банкир), но Риченда всегда ругает мужа за отсутствие романтизма³.

– Когда свадьба? – спросил Ганс.

Бертрам слегка покраснел и попытался ослабить воротник.

– В поместье продолжают работы. Боюсь, что церковь там пока не готова к проведению церемонии – из-за сырости и разросшегося мха. Нужно какое-то время, чтобы все подготовить. Кроме того, как вы можете догадаться, мой брат намерен вставлять нам палки в колеса, если только это у него получится.

– Не понимаю, какое отношение ваша помолвка имеет к нему, – объявил Ганс. – Я буду счастлив предоставить в ваше распоряжение свое поместье. Подумайте о свадьбе у нас. Деревенская церковь здесь очень красивая.

– О, мы не можем навязываться, – пролепетал Бертрам.

Ганс мило улыбнулся:

– Послушай меня, Бертрам. Эфимия жила у нас как член семьи, и я почти за честь организовать ее свадьбу у нас.

Это был наиболее подходящий момент для того, чтобы сообщить им, что мой дед был графом. Но мой язык прилип к нёбу. Я нанялась в услужение в семью Риченды после смерти моего отца, начинала горничной. Мою матушку уже давно лишили наследства за то, что вышла замуж за местного викария. Это был брак по любви, но вскоре ситуация изменилась, и начались несчастья. Когда отец умер от сердечного приступа, упав лицом в тарелку с бараниной и луком,

---

ее младших брата и сестры.

² Пожалуйста, прочитайте мои записки под названием «Смерть за правое дело».

³ Я думаю, что Ганс вполне мог бы быть романтичным, если бы Риченда не провоцировала его так часто.

моя матушка, младший брат и я оказались в отчаянной ситуации. В те времена моя матушка совсем не пользовалась популярностью у местных священнослужителей, и нам очень быстро вручили уведомление с требованием освободить дом приходского священника. Поэтому я приняла решение наняться в услужение, чтобы содержать мать и брата Джо. Матушка болезненно это восприняла, но была вынуждена признать, что выбора у нас нет. Она арендовала домик, переехала в него и пугала местных жителей уроками игры на фортепьяно⁴.

Я поднималась по службе, а матушка решила сделать все для того, чтобы я прекратила работать на других людей, причем с присущим ей упорством. Она ничего не знала про расследования убийств, в которых я участвовала. Я уже начала опасаться, что она собралась замуж за епископа только ради моего спасения, но потом поняла, что этот высокопоставленный священнослужитель является лучшим кандидатом для того, чтобы помочь ей вернуться к тому образу жизни, который она вела до брака с моим бедным отцом. Я понятия не имела, как ей удалось заполучить епископа, но подозреваю, что это была очень тщательно спланированная кампания.

– Нам нужно, по крайней мере, подождать, пока мать Эфимии снова выйдет замуж, – сказал Бертрам и сообщил: – Она собирается замуж за епископа.

– Боже праведный! – воскликнула Риченда. – За епископа? Твоей матери повезло. А раньше она за кем была замужем? За фермером?

– За викарием, – сказала я.

– Это очень благородная профессия, – объявил Ганс и предостерегающе взглянул на жену.

– Сельская девушка перебирается в епископский дворец! Это для нее будет кардинальная перемена образа жизни, – продолжала говорить Риченда.

– Предполагаю, что она сможет соответствовать и держаться должным образом, – сказала я, а потом добавила про себя, что моя матушка за несколько дней запугает всех местных священнослужителей и заставит их себе подчиняться. Несмотря на маленький рост и хрупкое телосложение, моя матушка производит впечатление и до сих пор с удовольствием вспоминает, как доводила до слез одного герцога в годы своей беззаботной юности.

– Конечно, сможет, – сказал Ганс. – Ведь Эфимия всегда вела себя как истинная леди. У нее манеры настоящей аристократки.

Риченда нахмурилась. Ей никогда не нравилось слушать, как Ганс восхищается мной. Да ведь и подобные слова едва ли могли быть адресованы Риченде. Несмотря на все усилия Ганса, она до сих пор отказывалась брать на себя обязанности хозяйки поместья. Навещать больных, решать вопросы со слугами, заниматься сотней других дел, которые неизбежно появляются в поместье такого размера, приходилось мне. По крайней мере, она не просила меня организовывать обеды и ужины и заниматься приемом гостей. К сожалению, она решила этот вопрос, просто отказавшись устраивать приемы. Риченда жаловалась на свою занятость, но на самом деле единственными обязанностями, к которым она подходила серьезно, были уход за лошадью и забота о детях: удочеренной Эми, одной из выживших пассажиров «Титаника», и близнецами Александром и Алисией, которых Риченда недавно родила. Двое последних были счастливыми, довольными, пухленькими маленькими херувимчиками, как раз такими детками, о которых мечтает большинство молодых мамочек. Наконец нам удалось найти деревенскую девушку для ухода за младенцами, но только Риченда, Ганс и я могли справиться с Эми, которая была такой же неуправляемой и дерзкой, как ее огненно-рыжие волосы.

– Ты думаешь, нам следует организовать вечеринку в честь вашей помолвки? – спросила Риченда с вызовом.

---

⁴ Она также пыталась держать свиней, но чем меньше я буду об этом рассказывать, тем лучше.

– О нет, я не думаю, что тебе стоит об этом беспокоиться, – ответила я, беспомощно бросая взгляд на Бертрама. На его губах промелькнула легкая улыбка.

– Эфимия считает, что это будет невежливо из-за предстоящей свадьбы ее матушки. Подобное мероприятие же обычно организует мать невесты, – пояснил Бертрам.

– В таком случае она должна приехать сюда и все организовать, – объявила Риченда. На ее лице появилось упрямое выражение. Я прекрасно его знала и знала, что оно не предвещает ничего хорошего.

На самом деле моя матушка один раз приезжала в это поместье, но останавливалась у местного vicar – потенциального кандидата в мужья, как я знала, которого матушка признала недостойным. К сожалению, моя матушка предпочла не показывать, что ее дочь является одной из служанок, и скрыла нашу родственную связь от Риченды. А что еще хуже, так это то, что Риченда узнала от моей матушки, что та – дочь графа, пыталась с ней подружиться, но матушка ее осадилась. Я думаю, что это объяснялось не только тем, что матушке не понравилась сама Риченда, отца которой она считала выскочкой (он был банкиром, получившим титул баронета только в конце жизни), но и беспокойством обо мне. Поэтому для меня было важно не допустить их встречу.

Я умоляюще посмотрела на Ганса. Он приподнял бровь.

– Эфимия, это ваша свадьба с Бертрамом. Мы не будем делать ничего, чего вы не хотите. Все только с вашего одобрения!

Бертрам откашлялся, что явно свидетельствовало о его смущении.

– Нам с Эфимией нужно обсудить ряд вопросов, но я думаю, что она будет счастлива, если свадьба пройдет у вас в поместье, Ганс. Это очень широкий жест с твоей стороны. Может, «Белые сады» отремонтируют к медовому месяцу.

Я как раз сделала глоток, когда он произнес эту фразу, и жидкость пошла не в то горло. Следующие несколько минут меня хлопали по спине, а Риченда бегала кругами и кричала (бесполезно), чтобы принесли нюхательную соль. Когда я прекратила кашлять, Бертрам страдальчески посмотрел на меня. Ему очень хотелось, чтобы я полюбила его поместье, а не только его самого (несмотря на поместье).

Ганс, участвовавший в приведении меня в чувство (хлопая по спине), взял мою руку в свою.

– Я уверен, что мы придумаем что-нибудь получше, – сказал Ганс. – Я совсем не хочу сказать, Бертрам, что твое поместье не является милым местом. Но медовый месяц нужно проводить там, где вы оба еще никогда не были. – Ганс подмигнул мне. – Я поговорю с ним, сестра.

Вначале я не поняла последнее произнесенное им слово, но потом до меня дошло, что мы в некотором роде получаемся братом и сестрой, пусть и не связанными кровными узами, – он женат на сестре, я выхожу замуж за брата. По моим нервным окончаниям пробежало странное возбуждение. Я одновременно радовалась тому, что становлюсь родственницей такого джентльмена, и при этом (я не могла этого отрицать) немного сожалела о том, что между нами никогда не будет чего-то большего. Было бы неприлично это признать, но между нами, несомненно, было притяжение. Однако Гансу требовалось жениться на деньгах.

Ганс посмотрел мне прямо в глаза, и я поняла, что наши мысли движутся в одном направлении.

– Сестра, – повторил он, взял мою руку и быстро поцеловал. Бертрам громко откашлялся. Я повернулась к нему и положила ему руку на плечо.

– Когда я думаю о том, как мы все познакомились, нынешнее положение дел кажется чудом, – сказала я. – Мне так повезло, что вы все присутствуете в моей жизни.

Я посмотрела на Бертрама с любовью. Я говорила искренне. Ганс был недолгой романтической мечтой, но я не сомневалась, что Бертрам со своим заливаемым водой поместьем и

всем остальным, что у него есть, – это главная любовь в моей жизни. Казалось, что впервые в моей жизни все складывалось хорошо.

– Как здорово, что я потрудилась купить им подарок на обручение и могу его вручить, а не просто предлагать организовать все в нашем доме, – объявила Риченда. Все повернулись к ней. Боже праведный, молилась я, только бы ей не пришлось в голову придумывать фасон моего свадебного платья! Риченда разбирается в моде не лучше лошади.

– Правда, любовь моя? – спросил Ганс. – Ты мне об этом не говорила.

Даже я услышала предостережение в его голосе.

Бертрам тут же сказал, что никаких подарков не нужно.

– Глупости! – воскликнула Риченда. – Ты, Ганс, обязательно одобришь мой подарок. Я купила нам всем билеты на Англо-германскую выставку в Хрустальном дворце. Я забронировала гостиницу, и все такое. Выезжаем через три дня, четыре дня проведем в Лондоне. Я выбрала отель «Карлтон» на Пэлл-Мэлл. У них великолепный ресторан, которым руководит Огюст Эскофье⁵. В этом ресторане предлагается лучшая «овсяная кухня». И у них все отлично приспособлено для размещения с детьми. Видите, я обо всем подумала.

Мы с Бертрамом переглянулись. Клянусь: я прочитала по его губам слова «высокая кухня», которые не услышали другие, сидевшие за столом, и при этом Бертрам закатил глаза.

На последних сроках беременности Риченды, в конце весны 1913 года, мы с Бертрамом посетили Всемирную выставку в Генте. Риченда тогда очень расстроилась из-за того, что не смогла на нее поехать.

– Близнецы еще слишком маленькие для путешествия в Лондон, – заметил Ганс.

– Я без них не поеду, – заявила Риченда и при этом больше напоминала свою лошадь, причем после того, как ей отказались дать сена.

– Значит, решено. Ты вообще никуда не поедешь, – сказал Ганс.

В эту минуту мы с Бертрамом тихо встали из-за стола и попятились к двери. Это была большая жертва со стороны Бертрама, так как еще не подавали пудинг. Но мы уже видели, как ругаются Риченда с Гансом. Это зрелище напоминало шторм (в нашем случае штормом была Риченда), врезающийся в гору (в нашем случае Ганса). Никому не захочется оказаться участником этого стихийного бедствия по доброй воле.

– Как ты думаешь, что случится? – спросил меня Бертрам уже в коридоре.

– Мы в конце концов поедem в Лондон, а близнецы останутся в поместье с няней.

– А Ганс?

– Не знаю. Не думаю, что он захочет оставлять здесь детей. Кроме того, ты знаешь, как он реагирует, когда Риченда пытается заставить его что-то сделать.

– Хм, – задумчиво произнес Бертрам. – Плохо. – Он взял меня за руку. – Надеюсь, мы с тобой не будем так ругаться?

– Я уверена, что спорить мы будем, – ответила я. – Мы оба очень эмоциональные. Но после того как мы поженимся, у нас появится новый способ примирения.

Бертрам мгновение хмурился, потом лицо его приобрело свекольный цвет.

– Эфимия!

– При доме приходского священника, в котором я выросла, была ферма. Я знаю гораздо больше, чем основная масса благовоспитанных дам.

– Я понимаю, – кивнул Бертрам. – Но ты не должна в этом признаваться.

– Даже тебе?

– В особенности мне! – воскликнул Бертрам. – Когда я ничего не могу с этим поделать. – Он вздохнул. – По крайней мере, мы увидим Хрустальный дворец. Я слышал, что это нечто

---

⁵ Огюст Эскофье (1846–1935) – французский ресторатор и популяризатор традиционной французской кухни, развивал идеи «высокой кухни». Работал в Лондоне с 1880 г. – *Прим. переводчица.*

потрясающее. Кроме того, это не такое крупное мероприятие. Там с нами просто не может произойти одно из наших обычных приключений.

– О, Бертрам, ты должен был это сказать, – ответила я.

Глава вторая

Подготовка к путешествию без приключений

– Я понятия не имею, где она раздобыла билеты, – уже в сотый раз повторял Ганс. – Я не могу найти их в бухгалтерских книгах, и я не слышал, чтобы она открывала собственный банковский счет.

Я беспомощно посмотрела на Бертрама. Риченда не посвящала меня в организацию домашнего хозяйства.

– Такие вопросы должны решать муж с женой, не привлекая посторонних лиц. Как ты думаешь? – с надеждой спросил меня Бертрам.

– По крайней мере, она отказалась от безумной идеи брать с собой малышей.

– Только малышей? – переспросил Бертрам и немного побледнел.

Ганс вздохнул:

– Боюсь, что Эми все-таки поедет с вами. Риченда договорилась с агентством в Лондоне, чтобы прислали в гостиницу няню. – Ганс печально улыбнулся. – По крайней мере, на этот раз ни Риченда, ни я с няней не беседовали перед приемом на работу, поэтому можно надеяться, что все пройдет нормально.

Бертрам фыркнул, а я уставилась в пол. У Мюллеров всегда возникали проблемы с наймом домашнего персонала, в особенности горничных и компаньенок. Их «успехи» стали уже легендарными.

– По крайней мере, вы решили все вопросы, – заметил Бертрам. – Хотя ведь мы уезжаем ненадолго.

Ганс пожал плечами:

– Оставайтесь в Лондоне столько, сколько хотите. Она в любом случае со мной больше не разговаривает.

Мы с Бертрамом издали подходящие ситуации звуки – напоминающие те, которые могла бы издать пара голубей, заметивших человека с пистолетом, и вышли из комнаты.

– Все как всегда, – сказал Бертрам, когда мы вдвоем оказались в библиотеке.

– Я буду рада увидеть Хрустальный дворец, – призналась я, меняя тему. – Его площадь больше девяноста тысяч квадратных метров! Сделан из листового стекла и чугунных опор. Наверное, это потрясающее зрелище, когда ярко светит солнце.

– Не удивлюсь, если в нем очень жарко, – сказал Бертрам. – Я видел его один раз, когда был в Лондоне, но близко не подходил – через парк. Он выглядит как гигантская оранжерея. Понятия не имею, почему Альберт ⁶ захотел столько всего поставить в огромном стеклянном ящике. Да, очень эффектно. Но настоящий англичанин никогда не сделал бы ничего подобного.

– Тише, – сказала я. – Ты же знаешь, что отец Ганса был немцем.

Бертрам попытался ослабить воротник.

– Для всех было бы лучше, если бы об этом можно было забыть. Может, нам удастся убедить его поменять фамилию.

Я бросила взгляд на сложенную газету «Таймс», которая лежала на журнальном столике.

– Ты считаешь, что все так плохо?

– Ну, можно, конечно, вспомнить о родстве кайзера с королем Георгом V...

– Они двоюродные братья, – сказала я.

---

⁶ Имеется в виду принц Альберт Саксен-Кобург-Готский, муж королевы Виктории, который происходил из саксонской семьи. – Прим. переводчика.

– Это не имеет значения, – заявил Бертрам. – Ричард уже давно знает, с какой стороны дует ветер. Он активно торгует оружием, причем продает его как немцам, так и французам. Крыса всегда чувствует, что корабль тонет.

– Твой брат стал бы продавать оружие и коренному населению Индии, если бы думал, что это сойдет ему с рук. Он милитарист, а что еще хуже, он наживается на этом.

– Не хочется мне так говорить про кровного родственника, но ты абсолютно права. Он чертовски умен. Очень похоже, что дело идет к войне.

– Сейчас ты говоришь, как Фицрой.

Бертрам прищурился при упоминании фамилии шпиона.

– Ты его видела в последнее время?

Я покачала головой.

– Слава богу, нет. Это последнее, что мне требуется.

Бертрам склонил голову набок и посмотрел на меня. Я очень хорошо знала, что означает такой взгляд.

– Что я пропустила? – спросила я с дурными предчувствиями.

– Эта выставка – последняя попытка не дать Германии и Великобритании ввязаться в войну. Фицрой не может не участвовать в этом деле. Он вполне мог прислать Риченде билеты под тем или иным предлогом. Вероятно, он хочет, чтобы мы выполнили за него какую-то грязную работу.

Услышав это, я произнесла одно слово, которое не должны использовать в своей речи истинные леди, поэтому я его здесь опускаю.

– Вот именно, – кивнул Бертрам. – Я хочу тебе предложить пойти и вытянуть правду из Риченды, чтобы у нас было хоть какое-то представление о том, что нас ждет.

– Но выставка работает с мая, – запротестовала я. – Определенно если что-то должно было случиться, то уже случилось бы.

– Как раз наоборот, – возразил Бертрам. – Я считаю, что все карты будут выложены на стол только в самом конце.

Я снова выругалась.

– Думаю, тебе нужно выпить бренди, – высказал свое мнение Бертрам. – А то твой словарный запас развивается в неудачном направлении.

– Не перед обедом, – ответила я. – Нет, пойду к Риченде, попробую поймать зверя в логове. Если я окажусь препятствием между Ричендой и ее едой, у меня появится шанс вытянуть из нее правду.

– Желаю успеха, – сказал Бертрам, тут же уселся в кресло и достал трубку, потом вставил ее между зубов и открыл «Таймс». Он не стал ее раскуривать, потому что Ганс придет в бешенство, если дым впитается в его книги, но мне в любом случае не нравилось это новое пристрастие Бертрама. По крайней мере, он прекратил попытки отрастить бороду, потому что, когда он пытался это делать, его постоянно мучил зуд, он пребывал в дурном расположении духа и напоминал чесоточную овцу.

* * *

Я нашла Риченду в будуаре, где она спорила с горничной по поводу сборов в дорогу.

– Но я могу ведь и подольше задержаться, – говорила Риченда. – Я не понимаю, какое это отношение имеет к тебе, Гленвиль. Как это может тебя коснуться? Ты же всегда носишь одну и ту же форму.

– Я говорю про ваши личные вещи, госпожа, – ответила Гленвиль. – Вы собираетесь в Лондоне ездить верхом или участвовать в каком-нибудь марше? Вы об этом подумали?

– О-о! – воскликнула Риченда. – Об этом я на самом деле не подумала. Как ты думаешь, Эми сможет к нам присоединиться или она еще слишком маленькая для этого?

– Слишком маленькая, – ответила Гленвиль, к моему большому облегчению.

Риченда время от времени прислушивается к мнению своей новой горничной. Гленвиль может быть сколько угодно лет в диапазоне от сорока до шестидесяти. Ее лицо напоминает сморщенный грецкий орех, из которого выглядывают яркие черные глаза, похожие на две ягоды черной смородины. Волосы, которые потянут на пару, если не тройку килограммов, она укладывает в косы. Одевается просто, как и подобает горничной. На ее тонких губах редко появляется улыбка, но у нее прекрасное чувство юмора, хотя Риченда только изредка понимает ее шутки. Гленвиль всегда говорит то, что думает, хотя и уважительно, и является полноправным и оплачиваемым членом движения суфражисток. Она крепкая и удивительно сильная для женщины маленького роста и хрупкой на вид. Как от нее досталось садовнику в тот единственный раз, когда он забыл убрать лестницу! Эми случайно задела ее ногой, свалилась, долго плакала, хотя только немного содрала кожу с одного колена. Гленвиль превратилась в настоящую тигрицу! Она так ругала молодого человека, что его трясло даже в кухне, куда он прибежал, чтобы ему налили успокоительного пива. Обо всем этом рассказал дворецкий, Стоун, который отзывался о Гленвиль с восхищением. Или с таким восхищением, которого можно ожидать от невозмутимого Стоуна.

– Риченда, можно к тебе на пару слов?

Риченда жестом отослала горничную прочь. Гленвиль вышла с сердитым видом. Риченда расправила юбки и села на богато украшенное кресло.

– Ты выступаешь в качестве посла от Ганса?

– Нет, – наотрез отказалась я.

– Ты в курсе, что мы не разговариваем?

– Только что услышала об этом, – ответила я. – Но вы – муж и жена, и не мое дело вмешиваться в ваши отношения. Хотя я думаю, что ты могла бы помочь своей горничной. Трудно собирать чемодан для человека, если не знаешь, на сколько дней он или она уезжают из дома. Горничная может оказаться в растерянности, даже складывая чулки. Сколько пар взять?

– Да, наверное, ты права, – согласилась Риченда. – Но ты никогда не задавала мне таких вопросов.

– Я лучше могла предположить, что тебе потребуется. Гленвиль ведь у нас недавно.

Риченда вздохнула:

– Я попытаюсь на ней не срываться, но я на грани из-за Ганса. Мне кажется, что у меня в теле вибрируют все нервные окончания!

– Правда? Как неприятно, – сказала я.

– Очевидно, для организма хорошо, если на них воздействуют электричеством, но не другим способом, – продолжала говорить Риченда. – Я это прочитала в одном журнале. Очень интересно! Это даже помогает снизить вес.

Риченда всю жизнь борется с лишним весом, но желание похудеть просто неосуществимо, если сопровождается любовью к тортам и пирожным.

– На самом деле я только хотела узнать, как ты смогла купить билеты. Я совершенно не представляю, как пересылать деньги почтой, – нагло врала я. Я до сих пор регулярно отправляю деньги своей матушке, но Риченда-то этого не знала. – Это одна из тех вещей, которым мне следует обучиться, если мне предстоит управлять собственным поместьем. Я уверена, что ты могла бы мне многое подсказать, если тебя не затруднит.

Я улыбнулась, пытаясь думать о приятных вещах, чтобы улыбка выглядела искренней. Этому меня научил Фицрой.

– Ты меня не обманешь, – заявила Риченда. – Ты здесь выполняешь многие обязанности по управлению поместьем. Я не возражаю. Но если Ганс таким сомнительным способом решил

заставить меня взвалить на себя дополнительные обязанности после того, как ты уедешь, я на это не соглашусь. Может нанять еще слуг. Деньги у него есть.

В этот момент мне хотелось сказать о проблемах, которые могут возникнуть у Ганса из-за того, что он наполовину немец, но я сдержалась.

– Да, ты видишь меня насквозь, – признала я. – Но я хочу знать, как ты раздобыла билеты. Это все. Мне любопытно. Может, я просто излишне любопытна, и это плохо, но какая уж есть.

– О, хорошо, я тебе расскажу. Теперь мы уже обо всем договорились, и я не вижу причин скрывать, как они мне достались. Их прислал Ричард. Он хочет помириться и наладить отношения. Я думаю, что его изменил брак. Он хочет встретиться с нами со всеми в Лондоне. И он мечтает увидеть близнецов. Ты же знаешь, что его новая жена до сих пор не забеременела. Я думаю, для него это повод поразмыслить.

В моей голове одновременно зазвенели все колокола, подающие сигналы тревоги, поэтому следующие несколько слов я пропустила. Я уловила только окончание фразы:

– Как будто я стану это делать. Ха!

– Конечно, – сказала я, так как казалось, что Риченда ждет от меня реакции.

В награду я получила широкую улыбку.

– Вот и хорошо. Я знала: ты поймешь, что это имеет смысл. Я собираюсь обедать в будуаре. Хочешь ко мне присоединиться?

Хотя мне очень хотелось оказаться рядом с Бертрамом, я посчитала благоразумным остаться. Обед в компании Риченды был долгим и утомительным. Она не хотела ни о чем говорить, кроме моего предстоящего бракосочетания. Стоит ли мне надеть пурпурно-зеленое платье, чтобы оно соответствовало моему кольцу?

Поговорить с Бертрамом наедине мне удалось только ближе к вечеру. Я увидела его из окна своей комнаты – он задумчиво прогуливался в розовом саду. У Ганса в поместье есть очень красивые места, и я сама много раз гуляла в них, глубоко задумавшись. Я легко сбежала по лестнице и выбежала в огород, который от роз отделяла одна живая изгородь.

– Бертрам! – крикнула я.

Несчастный подпрыгнул сантиметров на десять. Трубка выпала у него изо рта и оказалась на земле.

– Черт побери, Эфимия! Ты же знаешь, что у меня больное сердце. Ты пытаешься меня убить?

– Конечно, нет, мой дорогой, – сказала я, подходя к нему поближе. – Но очень опасаясь, что это хочет сделать другой человек.

Глава третья

Мы понимаем, насколько Ричард беспощадный

– Что ты, черт побери, имеешь в виду? – спросил Бертрам.

Я взяла его под руку

– Давай немного отойдем от дома, – предложила я. – Мы же не хотим мешать садовникам, правда?

– Да пошли эти садовники... – открыл рот Бертрам, потом моргнул. – О да, конечно. Зачем им мешать? Как насчет беседки рядом с полем для крикета?

Я напомнила себе, что любой дом или место – это просто дом или место, независимо от того, что там происходило в прошлом. В нашем случае было убийство. Однажды в детстве, когда я еще боялась ночью ходить через кладбище рядом с церковью, отец сказал мне: «На созданной Богом земле нет места, где бы один человек не принес зла другому человеку. А прогулку среди нашедших упокоение усопших можно считать благословением. Это совсем не опасно». Я могла только надеяться, что эти усопшие нашли упокоение, поскольку мы раскрыли тайну их убийства и восстановили справедливость.

Бертрам, который в том деле не участвовал, спокойно зашел в беседку и смахнул пыль с деревянной скамьи носовым платком. Он старался для меня.

– Сколько тут пауков! – пробормотал он себе под нос.

Мы уселись.

– Получается, что это путешествие, в которое отправляется Риченда, было организовано Ричардом. Твоя сестра считает, что он таким образом хочет помириться, поскольку они с Гансом объявили, что больше не станут претендовать на Стэплфорд-Холл.

Я еще половину новостей не рассказала, а Бертрам уже вскочил на ноги и принялся мерить беседку шагами. Я продолжила говорить спокойным тоном, хотя из-за его мельтешения перед моим носом у меня быстро затекла шея.

– Боже праведный, а Ганс-то об этом знает?

– Конечно, нет, – сказала я. – Он очень умный человек и, конечно, сразу почувствовал бы неладное.

– Что планирует Ричард, по твоему мнению? – спросил Бертрам. – Карета остается без кучера и лошади несут? Автокатастрофа? Трамвай? Или отравление?

– Сядь, – попросила я. – У меня от тебя голова кружится. Я думала в том же направлении. Согласна с тобой. Однако пока мы шли сюда, мне пришло в голову, что мы провели много времени в мире Фицроя. В обычной жизни убийства случаются не так часто.

– Мы оба знаем, что мой братец не только способен на убийство, но и совершил его по крайней мере однажды, – процедил Бертрам сквозь зубы.

Я не стала спорить.

– И он попал под подозрение, – заметила я. – Даже сам Ричард должен понимать, что должен действовать осторожно. За ним наблюдают Фицрой и другие.

– Но пока он ссужает деньги и производит оружие, их это не волнует, – объявил Бертрам и врезал кулаком по краю красивого деревянного ограждения. Послышался угрожающий треск.

– Убийство Риченды и ее детей будет слишком очевидным. Эта подлость не сойдет ему с рук. Такое не скроешь.

Бертрам побледнел после того, как я так смело обрисовала положение дел.

– Мне становится дурно, когда я думаю о том, что она хотела взять с собой близнецов, – признался Бертрам. – Им же даже нет еще четырех месяцев!

Я с трудом сдержала улыбку. Бертрам, как и большинство мужчин, любит детей, даже самых маленьких и вонючих.

– Согласна, что не стоит везти таких маленьких детей в большой город. Это значит обеспечить себе кучу проблем, даже если не брать в расчет Ричарда. Я рада, что Ганс отказался их отпускать.

– Но ты считаешь, что остальным стоит поехать? Даже Эми?

– Эми опасность угрожает меньше всего. Она не является кровной родственницей. Подозреваю, что в случае Риченды Ричард снова хочет использовать свое влияние на нее. Когда-то они были очень близки. Все дело может быть связано с банком Стэплфордс. Я мало знаю про эти дела.

– И я тоже, – признался Бертрам. – Я четко дал понять отцу, что никогда не притронусь к акциям его банка. Он поддерживал торговлю оружием – эти деньги окрашены кровью. Он мне поверил и не оставил мне ни одной акции.

– Я знаю, – кивнула я. – И рада, что ты занял такую позицию. Я думаю, что в случае Риченды Ричард хочет убедиться, что они с Гансом официально отказались от своей доли в Стэплфорд-Холле. А сейчас он просто пытается склонить ее на свою сторону – чтобы у него был выбор и возможность как-то маневрировать.

– А она поддастся на его уговоры? Поверит ему? – спросил Бертрам.

– Кто знает, насколько сильна связь между близнецами? – задумчиво произнесла я. Риченда – хорошая женщина в глубине души, и сейчас рядом нет ее брата. Но я также знала ее и в те времена, когда она фактически находилась под контролем своего близнеца и во всем его слушалась. Может, если бы отношения в браке сложились по-другому...

– Насколько все плохо? – спросил Бертрам. – У Ганса есть любовница?

– Если и есть, то он навряд ли расскажет мне об этом, – заметила я.

– Нет, конечно нет, – Бертрам покраснел. – Я на мгновение забыл, с кем разговариваю. – При виде вопросительного выражения моего лица он добавил: – Черт побери, Эфимия, ты же знаешь, что ты – очень необычная женщина. Ты умнее большинства мужчин, которых я знал в своей жизни, даже в университете.

Большую часть времени в Оксфордском университете Бертрам пил портер, участвовал в соревнованиях по гребле и получил диплом по политэкономии с очень плохими оценками. Поэтому я не посчитала сказанное им большим комплиментом.

– Если говорить о нас с тобой, то я не знаю, в курсе ли Ричард, что мы работаем на правительство, но он может это подозревать, – высказала я свое предположение. – Мы регулярно ввязываемся во всякие авантюры, в одну за другой. Но если после всех этих дел с нами произойдет несчастный случай, то он не покажется таким уж невероятным.

– А с нами-то почему? – спросил Бертрам, наконец прекращая вышагивать взад и вперед и останавливаясь прямо напротив меня.

– Потому что мы помолвлены и собираемся пожениться. И несмотря на то, что объявление в газетах еще не появилось...

– Я должен это организовать! – перебил меня Бертрам.

– Ричард вполне может ожидать, что после нашего вступления в брак случится то, что предначертано природой.

Бертрам какое-то время моргал, стоя напротив меня и глядя мне в лицо.

– Ты можешь родить ребенка? – наконец спросил он.

– Боже праведный, Бертрам, ты так это говоришь, будто у меня может родиться осьминог!

Лицо Бертрама стало красным как свекла.

– Нет. Конечно. Просто я предполагал, что ты не захочешь становиться матерью.

– Конечно, я хочу стать матерью, – объявила я. – Со временем. А ты что же, не хочешь иметь де...

Я не смогла закончить предложение. Бертрам сжал меня в объятиях и впился губами в мои губы. Это оказалось даже не противно. Мы на некоторое время задержались в беседке.

* * *

Через несколько дней я оказалась в автомобиле Бертрама вместе с Рори Маклеодом, который устроился на заднем сиденье. Мы неслись в Лондон. Я объяснила положение дел Рори, закончив словами:

– Мы решили, что если Ричард планирует для нас что-то гнусное, то пусть лучше предпринимает эту попытку подальше от поместья и детей. Мы с Бертрамом – и ты сам – неоднократно оказывались и в худших переделках. Мы решили, что способны сами о себе позаботиться. Но мы оба считаем, ты должен знать, что происходит.

Я сидела вполборота к Рори. Положение было неудобным, в особенности учитывая ликование Бертрама, снова севшего за руль. Только очень добрый и любезный человек мог бы описать его манеру вождения как непредсказуемую. Я считала более подходящим слово «маниакальная».

Рори глубоко вздохнул, и его ярко-зеленые глаза почти исчезли под нахмуренными бровями.

– Если бы я услышал обо всем этом раньше, то не посоветовал бы вам ехать в Лондон, – заявил он. – Но конечно, не мне вам об этом говорить.

Последняя фраза скорее напоминала рычание, чем нормальную речь. Рори оказался в положении, трудном вдвойне, если говорить об отношениях с Бертрамом и со мной. Мы с Рори когда-то были слугами, причем он – моим начальником. Мы были помолвлены. В дальнейшем мы втроем вместе работали, как равные партнеры, а потом я оказалась помолвлена с Бертрамом. Вероятно, это вызвало бурю чувств в душе у несчастного Рори. Однако я считала, что лучше их с ним не обсуждать. Рори также служил мажордомом у Бертрама, иногда выполнял обязанности его камердинера и был ему абсолютно предан. Я больше не знала, как он относится ко мне.

– Я вижу смысл в том, чтобы не позволять ему приблизиться к детям, – сказал Рори. – А мы, значит, в Лондоне занимаем оборонительную позицию, ждем его действий, а потом раз и навсегда решаем вопрос?

– Как бы мне этого хотелось! – воскликнул Бертрам. – Моя заветная мечта – стукнуть Ричарда по голове и похоронить в канаве.

– Ай ⁷, – сказал Рори, причем этот односложный ответ прозвучал очень зловеще.

– Но я – английский джентльмен, – продолжал Бертрам. – Я не стану опускаться до методов, которые использует мой брат.

– Я боялся это услышать, – признался Рори, шотландский акцент которого становился тем сильнее, чем более несчастным он себя чувствовал. – Может, появится ваш друг Фицрой и выполнит за нас эту работу.

– Нет, – решительно сказала я. – Последнее, что нам нужно, – это снова связываться с секретной службой.

– Но я думаю, что мы должны воспользоваться возможностью и дать понять Ричарду, что ему не следует приближаться к нам и нашим родственникам, – заявил Бертрам.

– А как вы собираетесь его в этом убеждать? – спросил Рори.

– Мы можем предложить ему отказаться от наших прав на Стэплфорд-Холл, если у нас родятся дети, – сказала я.

Услышав об этом, Рори издал настоящий рык.

---

⁷ Ай – да (шотл.) – Прим. переводчика.

– Все и всегда должно быть так, как хочет этот тип?

– Это ужасное место, связанное с жуткими воспоминаниями, – заметила я.

– На самом деле у меня остались и счастливые воспоминания из детства. Когда я был совсем маленьким, туда часто приезжал мой крестный. И слуги всегда были очень добры ко мне. Я часто украдкой забегал в кухню перекусить. И они ни разу меня не выдали.

– Это описание едва ли подходит для семейного гнезда, – заметила я.

– Единственный другой дом, который я могу тебе предложить, быстро уходит под воду на болотах, – сказал Бертрам. – Я думал, что тебе нравится Стэплфорд-Холл.

– Рори не даст «Белым садам» уйти под воду, – уверенно объявила я. – А в Стэплфорд-Холле я жить не хочу. Никогда.

– Это отличный дом, Огромный Дом. – Два последних слова Бертрам произнес так, словно их следовало писать с заглавных букв. Я с трудом сдержала смех. Но ведь Бертрам не представлял, что Стэплфорд-Холл мог бы поместиться в конюшне моего деда, и еще бы свободное место осталось. Да, вскоре придется ему во всем признаться.

– Нет, спасибо, – сказала я. – Тебя с твоими болотами мне более чем достаточно.

Бертрам явно был счастлив услышать это и еще увеличил скорость. Мы с Рори вжались в спинки сидений. Я молилась.

* * *

Отель «Карлтон» на Пэлл-Мэлл смотрелся очень хорошо, если говорить об архитектуре. Это было шестиэтажное здание с фронтонами и башенками на крыше, привлекавшими внимание и чем-то напоминавшими мне украшения на зданиях, которые мы видели в Генте. Сверху все прикрывал огромный купол. На фасаде тут и там были расположены то ли дорические, то ли ионические колонны (я постоянно забываю, чем они отличаются), сгруппированные по четыре. По углам здания возвышались квадратные пилоны. Видимые окна оказались большими и многостворчатыми, хотя я ничего не могла сказать про часть здания, предназначенную для обслуживающего персонала. Здание явно строили напоказ, поэтому не стоило удивляться, что Эскофье решил отсюда вести свои дела в Лондоне. По-моему, это здание напоминало большой и довольно вульгарный свадебный торт.

Когда заходишь внутрь, то сразу же видишь указатели, направляющие гостей в ресторан «Палм Корт». Бертрам сообщил мне громким шепотом, что это очень модное место. Я иногда думаю, что он жалеет о покупке поместья на болотах не только из-за того, что там так сыро, но и не в меньшей степени из-за удаленности от столицы. Администратор за стойкой, вероятно, слышал его слова, потому что спросил нас, бронировали ли мы номера, очень надменным тоном. Бертрам уже собирался ответить, но вперед вышел Рори и взял все в свои руки. К тому времени как нас проводили к лифту через холл, автомобиль поставили на конюшню (или как оно там называется). Несколько носильщиков катили наш багаж в больших золотых клетках. Фактически нас сопровождала маленькая армия служащих отеля через вестибюль в невероятно огромный люкс, снятый семьей Мюллеров. Один из сотрудников гостиницы, который нас сопровождал, рассказал нам о ней гораздо больше, чем я хотела бы знать. Он пел дифирамбы Эскофье, рассказал, что в отеле более двухсот пятидесяти спален и гостиных, многие со всеми удобствами, оформленных в английском и французском стиле XVIII века. Если мы устанем от достопримечательностей Лондона, то можно провести время в курительных комнатах (допускаются только мужчины), читальных залах, комнатах отдыха, посетить парикмахерскую. Есть служба посыльных, театральная касса, ресторан под управлением Эскофье и многое другое. Также в каждый номер проведен телефон, по которому можно звонить как внутри гостиницы, так и на номера за ее пределами. Последнее меня заинтересовало больше всего. Мне пришло в голову, что телефон может оказаться полезен, если произойдет что-то непредвиденное.

Наш номер располагался на четвертом этаже. Когда мы вышли из лифта, я обратила внимание, что Бертрам что-то ищет в карманах брюк. Я не посчитала возможным делать ему замечание в присутствии других людей, но многозначительно пихнула его локтем в бок. Он только раздраженно взглянул на меня и опять стал рыться в карманах. Носильщики не поднимались с нами в лифте, но каким-то образом магически оказались на этаже одновременно с нами и нашим сопровождающим. Перед нами открыли дверь, ключ вручили Бертраму. Молодые люди с тележками потоком устремились внутрь. Неужели мы взяли с собой столько вещей? Я была слегка озадачена, пока не заметила инициалы «РМ» на одном из них и поняла, что прибыл и багаж Риченды. Портье проследил за моим взглядом.

– Его доставили поездом, мэм, – сообщил сотрудник гостиницы. – Мы не хотели поднимать его в номер до вашего прибытия. Прислать горничных, чтобы помогли вам разобрать вещи?

– Нет, вскоре приедут другие слуги, – сказала я.

Мне легко дались эти слова, но все еще было непривычно находиться по другую сторону черты, разделяющей господ и слуг. Моя помолвка с Бертрамом навсегда избавила меня от жизни «под лестницей». К счастью, моя матушка всю жизнь готовила меня к тому, чтобы стать хозяйкой большого дома. Она продолжала надеяться, что мой дедушка простит ей ее грехопадение – побег с викарием, в которого она была влюблена. В эти минуты, разговаривая с портье, я вспомнила ее уроки. Внезапно я поняла, что Бертрам не взял с собой достаточно мелких монет на чаевые гостиничному персоналу.

– Маклеод, проследите, чтобы сотрудники гостиницы были должным образом вознаграждены за их работу, – сказала я, подхватила Бертрама под руку и завела в номер.

Бертрам практически сразу же рухнул в кресло и стал промокать лоб носовым платком.

– Я и подумать не мог, что они отправят с нами столько людей, – заговорил он.

Я тут же приложила палец к губам, чтобы он замолчал. Пока я ждала, когда освободится Рори, решавший вопрос с сотрудниками гостиницы, я осмотрелась в прихожей номера. Обстановка мне не понравилась – мебель по большей части была французской, но тут совсем недавно сделали ремонт, а подушки выглядели пухлыми и удобными. Для нас приготовили несколько графинов с приветственными напитками, от сладкого хереса до рубинового портвейна. На расположенном в центре гостиной столе стояло блюдо с фруктами, вокруг него – маленькие тарелочки, рядом с ними лежали салфетки и маленькие серебряные ножи для фруктов.

– Организуйте-ка чай, Маклеод, – сказала я.

– Конечно, мэм, – ответил Рори без тени сарказма, к которому он бы обязательно прибежал, если бы мы были наедине.

Казалось, что двери из гостиной ведут во всех направлениях, но я решила дождаться ухода всего персонала гостиницы перед тем, как приниматься за обследование наших апартаментов. Я поняла, что мы остались одни, только когда Рори закрыл дверь в номер.

– Откуда ты знала, что у меня будет мелочь для сотрудников гостиницы? – спросил Рори. Я улыбнулась.

– Ты был почти идеальным дворецким, когда мы с тобой познакомились, – ответила я. – Поэтому я решила, что теперь ты стал идеальным мажордомом. Другое мне просто не приходило в голову.

– Было бы очень неудобно, если бы у него не оказалось денег на чаевые, – заметил Бертрам.

– Ай. Но лучше было бы опозорить меня перед сотрудниками гостиницы, чем вас. Эфимия это прекрасно знает, – сказал Рори.

– Ты показала себя такой властной, – заметил так и сидевший в кресле Бертрам, поднимая глаза с благоговением.

Я пожала плечами:

– Помните, как миссис Уилсон наводила на всех ужас, когда ей этого хотелось? Все экономки на это способны.

Я, конечно, нагло врала. Когда я только познакомилась с Бертрамом, я и подумать не могла, что посмею его обманывать, но теперь это становилось обычным делом. Мне нужно было объяснить ему свое происхождение, но пока я не нашла подходящего времени для этого.

Пока я испытывала нравственные страдания, раскрылась дверь, и в номер ворвалась няня в форме, бросилась ко мне и обняла меня.

– Эфимия! – закричала Мэри. – Я сто лет тебя не видела! Как Риченда все здорово придумала! Нанять меня, чтобы присмотреть за детьми!

Мэри – моя любимая подруга. Когда я только нанялась в услужение в Стэплфорд-Холл, плохо зная обязанности горничной, именно Мэри помогла мне приспособиться к новой жизни, исправляла мои ошибки, прикрывала меня и стала моей подругой. У нее веселый нрав, и она очень жизнерадостная.

– Шаг назад, девушка, – твердым голосом приказал Рори. – С будущей женой хозяина себя так не ведут.

Мэри вышла замуж за шофера Бертрама и сейчас живет в его поместье. В эти минуты она в непонимании переводила взгляд с Бертрама на меня и обратно. Я вытянула вперед руку, чтобы продемонстрировать кольцо.

– Это правда. Мы с Бертрамом помолвлены.

Мэри побледнела, шагнула назад, а потом, к моему ужасу, сделала книксен. Я не успела высказаться против подобной практики, как дверь еще раз распахнулась. Я увидела сотрудницу гостиницы, у которой был изможденный вид, но только на одно мгновение. Мимо нее проплыла Риченда, закрывая обзор своим телом. За Ричендой следовала Гленвиль, которая толкала перед собой коляску с Александром и Алисией.

Глава четвертая

К нам присоединяется слишком много знакомых и членов семьи

Бертрам вскочил на ноги.

– О чем ты думала, черт побери, когда тащила близнецов в Лондон? – закричал он.

Риченда и глазом не моргнула и стала невозмутимо снимать перчатки.

– Я тоже рада видеть тебя, Бертрам. Вы хорошо доехали? Мы приехали на паровозе. Хотя ты даже не удосужился спросить.

– Ты везла детей на этой адской машине? – воскликнул Бертрам.

– Конечно, первым классом, – сообщила Риченда. – Все было очень мило. Гораздо лучше, чем путешествовать по шоссе, по которому гоняют безумные водители.

Она многозначительно посмотрела на Бертрама.

– Риченда, а Ганс знает, что ты взяла с собой детей? – тихо спросила я.

– Я их мать, – ответила Риченда. – Кроме того, здесь прекрасные условия для их размещения. И я даже договорилась с Мэри.

– Твой муж запретил ей когда-либо еще приближаться к твоим детям после того, как Эми сбежала на крышу, находясь на ее попечении, – напомнил Бертрам.

– Ха! – воскликнула Риченда. – Это с любым могло случиться. Эми у нас своенравная, любит приключения, и ее трудно остановить.

– Кстати, говоря об Эми, – я попыталась заглянуть за спины Риченды и Гленвиль, – где она?

– Она... – Риченда обернулась. – Черт возьми! Она шла за мной. Гленвиль, ты видела, в какую сторону она повернула?

– Значит, она в гостинице? – спросил Рори, направляясь к двери. – Я найду ее.

Риченда уже хотела за ним последовать, но я мягко ухватила ее за руку.

– Он ее найдет. Лучше позвони мужу и объясни, где находятся дети, пока он не обратился в полицию. Как я предполагаю, записку ты ему не оставила?

– Нет, не оставила, – ответила Риченда. – Но где еще могут находиться дети, кроме как со своей матерью?

Когда Риченда только вошла в номер, ее щеки были слегка розовыми, теперь они стали ярко-красными.

– Ты должна сообщить ему, что с детьми все в порядке, – заявил Бертрам. – Бедняга небось с ума сходит! Насколько я понимаю, дом вы покинули тайно?

– Потребовалось использовать кое-какие уловки, – признала Риченда.

Гленвиль становилось все более и более не по себе. Я также знала, что Риченде совсем не нравится (и вполне справедливо), когда ее ругают в присутствии слуг. Выражение лица Бертрама с каждой минутой становилось все суровее. И разговор в любую минуту мог превратиться в большой семейный скандал, а по горькому опыту я знала, что это очень плохо закончится.

– Гленвиль, пожалуйста, идите с детьми в отведенную им комнату, – сказала я. – Мэри покажет вам дорогу. И может, вы сразу начнете распаковывать вещи? Нам предлагали прислать горничных, работающих в отеле, но я была уверена, что вы сами захотите разобраться с вещами своей хозяйки.

Гленвиль резко повернулась ко мне.

– Конечно, мэм, я предпочту все сделать сама, – сказала она.

– Мэри, проверь, как себя чувствуют дети после такого долгого путешествия. Может, они проголодались? Тогда накорми их и уложи спать.

Мэри снова сделала книксен. У меня защипало глаза, но я держалась, ничем не выдавая своих чувств.

Слуги и дети покинули гостиную.

– А теперь вы двое можете пререкаться столько, сколько хотите, – сказала я, поворачиваясь к Бертраму и Риченде. – Только Гансу нужно немедленно сообщить о том, где находятся его дети.

– Я не знаю, как пользоваться этой машиной, – с угрюмым видом объявила Риченда. Выглядела она как ребенок, которого отчитали за плохое поведение.

– Тогда я сейчас пойду в свою спальню и позвоню ему сама. – Никто не выступил с возражениями. – Найдете меня, когда вы тут все выясните между собой и прекратите упрямиться. – Я уже пошла к выходу, но остановилась на полпути. – Конечно, если Рори вернется без Эми, зовите меня сразу же.

Моя спальня оказалась роскошной, и это еще мягко сказано. Она вполне подошла бы и для Версаля. Но в эти минуты я едва ли уделяла внимание обстановке. Я подняла телефонную трубку, заказала междугородный разговор и попросила соединить меня с поместьем Мюллеров. Трубку поднял Стоун. Услышав мой голос, он предложил немедленно позвать к телефону хозяина. Ганс очень быстро оказался у аппарата. Он явно запыхался.

– Они здесь, – сообщила я. – Она привезла их в Лондон. Прости, Ганс. Она приехала на поезде вместе с Гленвиль. Я понятия не имела, что она так поступит.

На другом конце провода надолго воцарилось молчание.

– Как ты думаешь, Эфимия, если я прикажу своей жене немедленно вернуться домой вместе с детьми, она это сделает? – холодно спросил Ганс.

Поскольку Риченда уже не приняла в расчет мнение Ганса и все сделала по-своему, мне нечего было ответить. Молчание затягивалось.

– Понятно, – в конце концов сказал Ганс и повесил трубку.

Как только я вышла из своей спальни, еще из одной комнаты вылетела Риченда – как пробка из бутылки.

– Ну? – спросила она. – Что он сказал?

– Ничего.

– Он должен был что-то сказать! Он просил позвать меня к телефону?

– Нет.

Риченда сделала несколько шагов по направлению ко мне. Я отступила к дверному проему. Судя по ее виду, ей сейчас хотелось кого-нибудь встряхнуть. Я быстро огляделась и поняла, что все остальные где-то скрываются. Это было разумное, хотя и не доблестное отступление.

– Я сообщила ему, что дети находятся здесь, – сказала я. – Больше ничего. На самом деле больше ничего.

– На самом деле? – Риченда продолжала медленно продвигаться ко мне, очень напоминая разозленную жирную кошку, которой наконец удалось загнать мышь в угол. Я положила руку на дверную ручку у себя за спиной. Я была уверена, что успею сделать шаг назад и захлопнуть дверь у нее перед носом до того, как она меня коснется.

– Он спросил, вернешься ли ты, по моему мнению, домой вместе с детьми, если он прикажет.

Риченда замерла на месте.

– Прикажет мне? – Ее голос звучал на октаву выше, чем обычно. – Это ж надо такое придумать: прикажет мне! И что ты сказала?

– Что я могла ответить на такой нелепый вопрос? – произнесла я, пытаюсь найти пути отхода так, чтобы Риченда не поняла, что я делаю. Она должна была или превратиться в любящую жену и сказать, что да, она поедет домой, или начать разглагольствовать, то есть, скорее,

орать, что мужчины пытаются установить власть над женщинами и ими командовать. Я предполагала, что второй вариант наиболее вероятен, и сообщила: – Я ничего не ответила.

– Спасибо, – поблагодарила Риченда. – Я знала, что могу на тебя рассчитывать. Прости, мне надо идти.

Риченда развернулась и отправилась к себе в комнату. Послышался звук хлопающей двери, а потом еще какие-то звуки, которые я приняла за сдерживаемые рыдания.

Бертрам высунул голову из-за еще одной двери и спросил:

– Кто-то топит кошку?

* * *

Говорят, что время лечит. Определенно это подтверждало выражение лица Риченды, когда мы пытались найти извозчика, чтобы добраться до Хрустального дворца. Она явно пребывала в прекрасном расположении духа. Я же безумно устала после беспокойной ночи. Я просыпалась от малейшего шума, опасаясь, что звук возвещает о прибытии разозленного Ганса. Но он не приехал.

Эми нашли в кухне, где она болтала с кондитером, свирепого вида типом, который явно держал в страхе всех работников кухни. Но Эми он скармливал кусочки всяких вкусняшек и рассказывал о том, сколько ванилина нужно добавлять в *crème pâtissière*⁸. Очевидно, все работники кухни решили, что Эми – дочь кого-то из сотрудников и ждет, когда у родителя закончится смена. Конечно, Эми даже не пыталась их в этом разубедить. Так что у Рори возникли проблемы с ее поиском, поскольку работники кухни пытались спрятать Эми от глаз руководства гостиницы и гостей, которым, по их мнению, ее не следовало показывать. В конце концов Рори все-таки привел ее к Бертраму – Риченда тогда все еще испытывала недомогание.

– Черт побери, этот бесенок заставил меня чинить сломанную куклу буквально через минуту после того, как я начал ее ругать, то есть попытался, – сообщил мне Бертрам за завтраком.

– Ты починил куклу? – спросила я. Насколько мне известно, Бертрам не дружит с техникой и не имеет соответствующих склонностей, а большинство кукол, в особенности дорогих, таких, как Риченда покупает Эми, просто напичканы какими-то сложными соединениями.

– Нет, – ответил Бертрам. – Мне удалось только оторвать ей голову. Я пришел в ужас, опасаясь, что Эми начнет реветь, как ее мать, но вместо этого она принялась хохотать. Представь утку, застрявшую в сливной трубе. У Эми получался именно такой звук. Просто невероятно!

– Как я понимаю, куклу починил Рори?

– Да. Вероятно, он унаследовал это мастерство от своего отца.

Я застыла на месте с полной ложкой джема в руке, который собиралась намазать на тонкий тост, и опасалась, что булка не выдержит веса джема.

– Его отца?

Бертрам кивнул и продолжал говорить, пережевывая яичницу, что было совсем непривлекательным зрелищем.

– Ты знаешь, что он сын бакалейщика? Ну, там, гири, таблицы мер и весов...

– Но... – открыла рот я, потом решила сменить тему. – Эми поедет с нами в Хрустальный дворец?

Бертрам кивнул:

– Ее мать считает, что это будет познавательно.

– Скорее, это окажется вредоносным, – заметила я, не ожидая ничего хорошего.

– Надеюсь, что Мэри отговорила Риченду брать малышей.

---

⁸ *Crème pâtissière* – густой заварной крем с добавлением муки и яичного белка. – Прим. переводчика.

– Да, Риченда могла посчитать, что это прекрасная мысль.

– Но это же Риченда, – сказал Бертрам. – И разозленная Риченда.

– Ты прав, – согласилась я и затолкала тост в рот до того, как он развалится на части под весом апельсинового джема. – Можно считать, что нам повезло.

– Знаешь, любовь моя, я думаю, что нам нужно немного поработать над твоим поведением за столом, – заявил Бертрам.

Мне пришлось приложить огромное волевое усилие, чтобы не запустить в него яйцами пашот. Они бы прекрасно размазались у него по рубашке.

И вот теперь Бертрам, Риченда, Рори, Эми и я ждали извозчика, и я начинала испытывать возбуждение. Выставка в Генде, на которой мы побывали с Бертрамом, была просто потрясающей. Та выставка, на которую мы собирались сейчас, была гораздо меньших масштабов, то есть на первый взгляд их и сравнивать не стоило. Но я очень хотела увидеть гигантское стеклянное сооружение, в котором она проводилась. Оно изначально строилось к Всемирной выставке ⁹ под руководством принца Альберта. Но потом наступили трудные времена, оно чуть не было уничтожено, но люди буквально его выкупили. Я дрожала от мысли о том, что вскоре увижу эту гигантскую жемчужину нашей столицы. Хотя я ожидала, что внутри будет очень жарко, и, соответственно, надела свое самое легкое платье.

– Ты знаешь, что он в три раза больше собора Святого Павла? – спросила я у Бертрама, когда мы все забрались в кэб. – Тридцать три метра высотой! И там такое освещение, что деревья растут и цветут внутри этого строения.

– Хм, – сказал Бертрам. – Боюсь, что Риченда захочет, чтобы я приглядел за Эми. Ты ее обыскала? Она рогатку с собой не взяла?

– Интересно, а кто там моет стекла? – спросил Рори. – Наверное, это ужасная работа.

– Его изначально построили в Гайд-парке, потом полностью разобрали и снова собрали на общинных землях в Пендже ¹⁰, – сообщила я. – И ничего не сломали и не разбили. Вот это достижение!

– Что? – воскликнула Риченда. – Я думала, что он до сих пор в Гайд-парке.

Я покачала головой:

– Я читала про него сегодня утром. В холле лежит очень интересный проспект, в котором подробно обо всем рассказывается. И консьерж очень помог. Похоже, что вскоре после окончания Всемирной выставки весь дворец перенесли на юг Лондона. Он теперь находится в Пендже, рядом с Сиднем-Хилл ¹¹. Эта местность описывается как район для богатых с большими виллами.

Риченда смотрела на меня с ужасом и восхищением одновременно. Ее явно увлек мой рассказ.

– Это совсем не то, что я ожидала, – сказала она, потом повернулась к Бертраму: – Надеюсь, у тебя хватит денег, чтобы заплатить извозчику, Бертрам.

Бертрам бросил взгляд на Рори, тот глубоко вздохнул и кивнул.

Эми прижалась носом к окну и смотрела на загадочный Лондон. По улицам неслись кареты и различные повозки, запряженные лошадьми, и автомобили. И те, кто сидел на козлах, и те, кто сидел за рулем, считали, что их вид транспорта главный на дороге и им должны ее уступать. Иногда участникам дорожного движения с трудом удавалось избежать столкновений. Я не смотрела по сторонам, устремив взгляд вперед. Я достаточно много ездила с Бертрамом в автомобиле, чтобы уже хладнокровно воспринимать то, что происходит на дорогах, и не дер-

---

⁹ 1851 года. – Прим. переводчика.

¹⁰ Пендж – район в юго-восточной части Лондона. – Прим. переводчика.

¹¹ Сиднем-Хилл – предместье Лондона. – Прим. переводчика.

гаться, когда едва не столкнешься с кем-то. И я предполагала, что извозчики и водители авто в Лондоне более склонны избегать этого, чем мой возлюбленный.

– А почему мы не поехали в автомобиле дяди Бертрама? – спросила Эми.

– Мы бы все не поместились, – ответила Риченда.

Эми надулась.

– Но мы едем так медленно. Почему лошади так медленно бегут? И почему с нами в кэбе едет слуга, мама? Ты же говорила, что мы должны путешествовать отдельно. Разве ты не поэтому отправила Гленвиль в третий класс, когда мы ехали на поезде?

У Эми почти полностью исчез ирландский акцент, и, похоже, она совсем не помнит свою предыдущую семью. Ее биологические родители – ирландские иммигранты, которые плыли третьим классом на «Титанике», когда тот утонул. Ей чудом удалось спастись, потому что большинство людей, путешествовавших на нижних палубах, не смогли. О той трагедии много говорят, и это истории, которые показывают самое лучшее и самое худшее в людях. Мы с Ричендой тогда путешествовали на «Карпатии»¹², которая бросилась на помощь «Титанику». Мы решили не говорить с Эми о трагедии, пока она сама не начнет задавать нам вопросы. Возможно, мы позволяем ей слишком многое, потому что она пережила такую трагедию, оказалась на пороге смерти и потеряла всю семью. Но на этот раз я не могла не отреагировать на такие слова. Хотя я не успела – вмешался Бертрам.

– Рори Маклеод – мой мажордом и мой друг, – сказал он. – Мажордом – это как управляющий поместьем, но у него гораздо больше обязанностей, и он важнее. Ты должна понять и запомнить, Эми, что люди, которым повезло в жизни так, что они могут нанимать работников, обязаны уважать их как людей.

– Вы так говорите, потому что женитесь на тете Эфимии, а она раньше была горничной? – спросила Эми.

Риченда наклонилась к Эми и щелкнула ее по ушам.

– Достаточно. Не переходи границу. Я отправлю тебя назад в гостиницу, если не будешь себя хорошо вести. Если отойдешь от меня больше чем на метр, отправлю к отцу, а он тебя выпорот за то, что не слушалась.

Эми немного поплакала от того, что ушам было больно, но она явно верила в угрозу Риченды не больше нашего. Мы знали, что Ганс никогда пальцем не тронет дочь.

– И две недели не будешь есть пудинг, – добавила Риченда, явно понимая, что ситуация выходит из-под контроля.

Услышав эту угрозу, Эми побледнела и обещала хорошо себя вести. Хотя они с Ричендой не являлись биологическими родственницами, Эми тоже очень любила торты и пирожные. Однако она была очень активным ребенком, и они не откладывались у нее на боках.

На протяжении всего разговора Рори смотрел прямо перед собой.

– Ты на самом деле отправила Гленвиль в третий класс? – спросил Бертрам. – Я бы не посмел.

– Я спросила у нее, где она будет чувствовать себя комфортно, – ответила Риченда. – Она сказала, что в третьем классе. Она придерживается традиционных взглядов. Гленвиль плохо управляется с современными приспособлениями, но очень аккуратная, все мои вещи держит в порядке, да и Эми слушается ее гораздо лучше, чем меня.

Последнюю фразу она произнесла тихим голосом, чтобы ее могли услышать только Бертрам и я.

– Смотрите! Смотрите! – закричала Эми.

---

¹² «Карпатия» приняла сигнал бедствия с тонущего «Титаника», первой пришла на место трагедии и взяла на борт всех выживших. – Прим. переводчика.

На возвышенности перед нами стояло сияющее здание. Из-за туч показалось осеннее солнце, и Хрустальный дворец в его лучах смотрелся просто сказочно. Я затаила дыхание, пока мы приближались к нему. Это было двухэтажное строение с цилиндрическим сводом в центре. Настоящим чудом мне показалось количество видимого стекла. Кругом было одно стекло! Создавалось впечатление, что его удерживают только тончайшие чугунные опоры.

– А это что за холстина? – спросил Бертрам, показывая пальцем на часть крыши, покрытую то ли парусиной, то ли еще каким-то полотном. – Там разбили стекло?

– Это один из способов поддержания нужной температуры внутри, – пояснил Рори. – Ткань также создает тень, чтобы смягчить освещение внутри. Сделана удивительная система вентиляции...

– Красиво, – оборвала его Риченда, когда карета остановилась. – Бертрам, заплати извозчику, и пойдём внутрь!

* * *

Мне очень хотелось бы, чтобы, впервые попав в Хрустальный дворец, я могла в полной мере оценить его красоту. Я надеялась постоять рядом с одним из многочисленных деревьев внутри и просто глазеть вокруг. На самом деле Англо-германская выставка мало меня интересовала. Однако стоило мне войти внутрь, как я услышала голос, который заставил меня подпрыгнуть. Я помнила его со времен жизни в Стэплфорд-Холле.

– Повторяю вам: я не подтасовываю карты. Они говорят то, что говорят, – звучал решительный голос мадам Арканы, самозваного медиума и тайного агента британской разведки.

Бертрам напрягся рядом со мной, потом повернулся на каблучке, напоминая охотничью собаку, учувшую подстреленную птицу.

– Это..? – прошептал он.

Эми уже тянула Риченду вперед.

– Встречаемся в кафе через час? – крикнула она. Я кивнула.

– Лучше иди с ними, Маклеод, – велел Бертрам. – Ей одной не справиться с Эми.

Рори кивнул и поспешил за Ричендой и Эми.

– Он никогда не встречался с мадам Арканой? – спросил Бертрам. – Я знаю, что он подписал такие же бумаги, как и мы с тобой, но я не знаю, как агентов представляют друг другу. Есть какие-то правила, установленные процедуры?

– Мы не агенты, – напомнила я. – Мы только иногда оказываем помощь.

– Да, наверное. Если бы мы были агентами, то нам бы, вероятно, платили. Хотя джентльмена такие вещи не должны беспокоить, если он служит своей стране.

– Похоже, что Фицрою очень хорошо платят. По крайней мере, создается такое впечатление, – сказала я. – О, смотри, она нас заметила и машет нам. Нам нужно или сбежать прямо сейчас, или идти к ней.

– Несомненно, она знает, что мы сделаем, – заявил Бертрам. – Стала бы она нам махать, если бы мы должны были сбежать? Так что мы должны идти к ней. Если ты во все это веришь.

– Не верю, – сказала я. – Но я верю в вежливость.

– Нужно было быстро проходить дальше, пока имелась такая возможность, – бормотал Бертрам себе под нос. Он взял меня под руку и повел к мадам Аркане. – Если она скажет, что «видела», как мы с тобой обречемся, то я за свои действия не отвечаю.

Махавшая нам мадам Аркана стояла перед небольшим шатром с задернутой шторой. Над ним висела вывеска: «Величайший медиум в истории». Пурпурное полотнище с золотыми кистями, закрывающее вход в шатер, было украшено магическими символами по обеим сторонам. Символы были разных оттенков красного и золотого. Предположительно в глубь шатра следовало заходить для предсказания судьбы. Правда, в эти минуты мадам Аркана стояла сна-

ружи, уперев руки в бока, и больше походила на разозленную простую тетку, чем на знатока тайных наук.

Мадам Аркана, которой явно перевалило за сорок (хотя про таких говорят «женщина без возраста»), была одета как обычно. Платье с цветочным узором обтягивало ее пышную фигуру, похожую на песочные часы. На этот раз платье оказалось бирюзового цвета с экстравагантными крупными лилиями. На шее висели многочисленные жемчужные ожерелья, некоторые спускались до талии. На голове красовался пурпурный тюрбан, украшенный коротким павлиньим пером. Не заметить ее было нельзя. Мужчина, который к ней обращался, стоял спиной к нам. Судя по опущенным плечам, мы поняли, что ему совсем не нравится, что их разговор происходит на людях и привлекает внимание.

Когда мы подошли к ним, мадам Аркана говорила:

– Ну вот, Эрик. Именно поэтому мы не могли раньше зайти в шатер. Я же говорила тебе, что они приедут.

Фицрой посмотрел на нас и нахмурился.

– Прекрасно. Давайте зайдём внутрь, пока нас не видел весь Лондон, – сказал он.

Бертрам открыл от удивления рот, а я почувствовала, как внутри у меня все опустилось. Фицрой, всегда намеренно выглядевший одним из самых непримечательных людей, которых только можно встретить, придержал для нас штору, когда мы заходили внутрь. Сегодня волосы его были такими же темными, как и глаза. Оделся он в длинный плащ хорошего качества, но простого кроя, в руке держал коричневую трость, на первый взгляд совершенно безобидного вида. Но я подозревала, что она может взорваться, оцетиниться лезвиями или еще как-то использоваться в деле.

– Она сделана из дерева, – сообщила мадам Аркана.

– Вы о чем? – не понял Бертрам.

– Его трость.

– Он повредил ногу, когда...

– Достаточно, – проворчал Фицрой. – Какого черта вас двоих сюда принесло? И почему вы сказали ей, а не мне, что приедете?

Внутри шатра было темно – полный контраст с сиянием Хрустального дворца снаружи. Моим глазам потребовалось не меньше времени, чтобы привыкнуть к этому мраку, чем моему разуму, чтобы переварить происходящее. Фицрой выдернул откуда-то стул, поставил передо мной и помог мне сесть. Бертрам споткнулся где-то слева от меня, но наконец тоже уселся. Фицрой пододвинул стул и для себя, но поставил спинкой вперед и уселся на него верхом, широко расставив ноги. Пока я еще не могла хорошо рассмотреть обстановку, но ситуация казалась мне необычной, и я чувствовала себя некомфортно.

Когда мои глаза наконец привыкли к темноте, я поняла, что она не столь уж непрглядна. В углу висели две лампы. Их зажгла мадам Аркана, и я увидела, что мы сидим за круглым низким дубовым столиком. Бертрам, Фицрой и я устроились на нормальных стульях, а дама-медиум уселась на стул с высокой прямоугольной спинкой, которая поднималась над ее головой, с толстыми, широкими подлокотниками. Он напоминал трон. Несомненно, Фицрой именно поэтому уселся так не по-джентльменски. Он никогда не позволяет никому из своих сотрудников в чем-то себя превосходить.

– Мы не говорили мадам Аркане, что приедем на выставку, – сказала я. – Мы сами ничего об этом не знали до недавнего времени. Риченда Мюллер вручила нам билеты в качестве подарка в день нашей помолвки.

Мадам Аркана протянула руку и легко коснулась ею предплечья Бертрама.

– Не буду говорить об этом, дорогой, если это вас расстроит. Но я видела это.

Бертрам нахмурился. Я вмешалась, пока он не понял, что она пытается сказать.

– Наверное, мне не нужно удивляться, увидев вас здесь, Фицрой. Или вы сегодня лорд Милтон?

– Здесь вы можете называть меня Эрик.

– Он немного напряжен, – сказала мадам Аркана. – Выиграть в игре, в которую его попросили сыграть, невозможно.

– Карточной? – влез Бертрам.

Мадам Аркана рассмеялась.

– О, это только лишь небольшая часть всего дела. Эрик хочет, чтобы я раскинула карты для немецких участников выставки и убедила их прилагать больше усилий на дипломатическом фронте. Но я, конечно, не могу подтасовывать карты. Наверное, я могу неправильно трактовать выпавший расклад, но в таком случае может пострадать моя репутация. Требуется лишь немного знать карты, чтобы понять, если человек говорит противоположное тому, что выпало.

– Я прошу вас это сделать ради своей страны! – закричал Фицрой.

– Я не шулер. Я не могу сделать так, чтобы выпали вполне определенные карты, – заявила мадам Аркана.

– Вообще-то это чертовски сложно, – заметил Бертрам. – Я в подростковом возрасте долго пытался этому научиться и так и не смог. – Он бросил взгляд на меня. – Один из моих кузенов с сомнительной репутацией постоянно жульничал и лишал меня карманных денег. Поэтому я и хотел узнать, как у него это получается.

– Потрясающе, – сказал Фицрой, хотя явно так не думал. – Но единственная цель вашего пребывания здесь, Аркана, – это помочь сохранению мира.

– И помогать мадам Аркана должна с помощью карт, которые раскидывает? – уточнила я.

– Я – известная гадалка.

– Но у вас и спиритические сеансы отлично получаются, – заметила я.

– Дай бог тебе здоровья, моя дорогая.

Внезапно лицо Фицроя просветлело.

– Кстати, это мысль. Если мне удастся завлечь одного из членов немецкой делегации на спиритический сеанс, и вы скажете...

– Предполагаю, что это может сработать. – Мадам Аркана повернулась ко мне. – Я сказала, что для всей немецкой делегации я никаких сеансов проводить не буду, потому что они несут в себе очень много отрицательной энергии. Она просто окружает их и исходит от них. Но если на сеансе будете присутствовать вы с будущим мужем, а может, еще какие-то люди, то нам удастся ослабить этот негатив.

– Да кто угодно, – вставил Фицрой.

Бертрам откашлялся.

– Не хочется, чтобы вы посчитали меня грубым, но мне показалось, что надежды на спасение нации вы возлагаете на трюки фокусницы.

Мадам Аркана легко поклонилась.

– Я настоящая, мистер Стэплфорд. Но иногда я, скажем так, *настраиваю свои таланты* во благо своей страны.

– Ба! – сказал Фицрой.

– Все так ужасно? Положение отчаянное? – уточнил Бертрам.

Фицрой достал платок из кармана и вытер лоб.

– Это часть целого каскада событий, которым я управляю. – Бертрам нахмурился. Фицрой громко вздохнул. – Запускается целая серия событий, которые на первый взгляд кажутся никак не связанными, но все они служат для укрепления или продвижения основной идеи. В данном случае не в интересах Германии и не в интересах Англии начинать войну. Мадам Аркана – это просто одно небольшое звено в процессе, но с ней возникают непропорционально большие трудности.

– Цель этого каскада – пригласить определенную группу немцев на эту выставку? Достаточно ли они важны, чтобы повлиять на политическую ситуацию у себя в Германии? – спросила я.

– У меня, кроме них, никого нет. Вот и приходится работать с ними, – пояснил Фицрой.

– Положение на самом деле такое ужасное? – спросил Бертрам, которому требовались четкие ответы на его вопросы. – Вы ожидаете, что в любой день может начаться война?

– Нет, – сказал Фицрой. – Может пройти несколько месяцев, даже год или два перед тем, как мы подойдем к опасной черте, но сейчас устанавливается курс.

Я откинулась на спинку стула. Я вспомнила сон, который много лет назад приснился мне в охотничьем домике Стэплфордов. Вначале я думала, что вижу во сне, как мужчины идут на войну, но затем я поняла, что эти мужчины уже мертвы и маршируют они в загробную жизнь. Они шли рядами, один за другим, и вскоре я уже не могла их сосчитать. Среди этих мужчин был Рори.

– Выдохни, дорогая, – сказала мадам Аркана. – Ничто не определено окончательно и бесповоротно. Иногда нам удастся увидеть только возможные варианты развития событий.

– Что происходит, когда вы смотрите на выпавшие карты Таро? – спросила я.

У мадам Арканы опустились плечи.

– Когда я задаю вопрос, возможно ли сохранить мир между двумя странами, то всегда выпадает война. Боюсь, что если начну гадать немецким джентльменам, то главной темой будет война. Они же все аристократы или дипломаты, и все они думают о войне. Я повторяла попытки снова и снова, но карты дают четкий и однозначный ответ.

– Но вы же сами только что сказали, что ничто не определено окончательно и бесповоротно, – напомнила я.

– Некоторые варианты гораздо более вероятны, чем другие, – грустно сказала дама-медиум.

– Любой клерк в Министерстве внутренних дел скажет вам то же самое, – вставил Фицрой. – Любой читающий газеты человек знает, с какой стороны ветер дует. Моя задача – попробовать изменить ход событий.

– А если это невозможно? – спросил Бертрам.

– В таком случае мне дано задание узнать у этой делегации как можно больше о вооруженных силах Германии и тактических планах.

– Понятно, – кивнул Бертрам. – Значит, это будет игра, в которой нельзя победить.

Глава пятая

Сообщения с другой стороны

– Надеюсь, что вы говорите не о войне, – гневно сказал Фицрой. – Уверю вас: вооруженные силы Его Величества лучшие в мире и способны нанести сокрушительное поражение любому врагу.

– Но какой ценой? – тихо произнесла я.

– Любой человек посчитает честью отдать жизнь за свою страну, – заявил Фицрой.

– Конечно, – решительно поддержал его Бертрам.

– А как насчет матерей, дочерей и жен, которые потеряют своих мужчин? – спросила я, но на мои слова обратила внимание только мадам Аркана.

– Человечество очень медленно учится, – сказала она. – И за все обычно приходится расплачиваться женщинам. – Бертрам с Фицроем уже открыли рты, чтобы что-то сказать, но она им этого не позволила и продолжила: – Насколько я понимаю, Эрик, ты согласен со мной, что война все равно будет, независимо от того, что ты сделаешь сегодня?

Фицрой закрыл рот и нахмурился. Прошло какое-то время перед тем, как он заговорил, и мы все ждали, что он скажет. Я ожидала какую-то шуточку о мадам Аркане, которая знает больше всех благодаря своим способностям, но когда Фицрой заговорил, то его слова прозвучали мрачно.

– Мне совершенно не нравится мысль о войне. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы ее избежать, но я не вижу, как можно это сделать.

– А ваш каскад? – спросила я.

Он сжал губы и чуть улыбнулся.

– Я использую все известные мне хитрости, Эфимия, но все равно кажется, что их недостаточно для смены курса, который выбрали обе страны. Погуляйте по выставке, послушайте, что говорят люди. Вы услышите, как мужчины и женщины открыто говорят о своей нелюбви к немцам. А ведь цель этой выставки – укрепление связей между Англией и Германией. Но враждебность уже укоренилась, и потребуется более могущественный человек, чем я, чтобы от нее избавиться.

– Но вы попытаетесь? – спросила я.

– Конечно, – ответил Фицрой. – Моя работа состоит в защите нашего королевства, независимо от того, в какой должности я служу и какие функции выполняю. Сейчас я считаю, что для нашей страны будет лучше избежать войны, но не я буду принимать решение. Однако раз вы, Эфимия, на этот раз так хотите стать голубкой мира, я понимаю, что могу рассчитывать на вас с Бертрамом – вы мне поможете в ближайшие дни.

– Конечно, – тут же сказал Бертрам. – Сделаем все, что требуется.

– Бертрам, ты забыл про наши дела? – спросила я напряженным тоном.

– Какие дела? – тут же насторожился Фицрой.

– Не важно. Мы разбираемся с этим, – ответил Бертрам.

– Эфимия? – повернулся ко мне Фицрой.

– Мой брат взялся за старое. Это семейное дело, – пояснил Бертрам.

– Значит, вот как вы будете строить отношения в браке, – заметил Фицрой. – Покорная жена, вместо которой отвечает муж?

Я знала, что он пытается меня таким образом уколоть. Я положила руку на предплечье Бертрама.

– Мой жених не хочет выносить сор из избы. Это семейное дело. Он правильно сказал. Поэтому я только подтверждаю, что Ричард Стэплфорд опять мешает нам жить. Возможно, что на этот раз его усилия окажутся смертоносными.

– Хм, я не могу допустить, чтобы вы разрывались между несколькими делами, – объявил Фицрой. – Постарайтесь, чтобы вас не убили, но в остальном – лучше забудьте о Стэплфорде. Мне нужна ваша помощь.

Я посчитала эти заявления несколько забавными, учитывая, что он даже не знал, что мы сегодня появимся на выставке, но я ничего не сказала. Фицрой встретился со мной взглядом.

– Мадам Аркана была уверена, что вы сегодня приедете.

– Британская секретная служба теперь полагается на знамения и предсказания? – уточнил Бертрам. – Вы скоро будете давать нам пить магические эликсиры?

– Я думаю, что Эрик только хочет провести сегодня спиритический сеанс, – объявила мадам Аркана. – Придется увеличить мой гонорар, если захочешь еще что-нибудь.

Фицрой гневно на нее посмотрел. Она ему подмигнула. Фицрой нахмурился еще сильнее. Я с трудом сдержала смех и, к сожалению, привлекла к себе внимание.

– Да, я думаю, что спиритический сеанс получится более правдоподобным, если на нем будут присутствовать обычные люди. Эфимия, почему бы вам не пойти на него вместе с Ричендой? Вроде бы современные женщины увлекаются подобными вещами.

– Не уверена, – сказала мадам Аркана. – Вот у Эфимии, например, есть сила, которую уважает смерть.

Фицрой встал.

– Пожалуйста, избавьте меня от всей этой чуши, Энни. Я не являюсь вашим поклонником. – Потом он перевел взгляд на меня. – Сеанс состоится через час. Вы должны быть здесь. Бертрам, пойдете со мной.

Бертрам посмотрел на меня извиняющимся взглядом.

– Увидимся позднее, – сказал он мне и последовал за Фицроем из шатра.

– Не принимай близко к сердцу, Эфимия, – посмотрела на меня мадам Аркана. – Эрик всегда такой суровый, если чувствует, что ситуация выходит у него из-под контроля. Он сам назвал бы это профессиональной манерой поведения. Я сказала бы, что он сильно обеспокоен. Я сочувствую ему. Что бы он сегодня ни сделал, это не понравится его начальству. – Ее голос не изменился, но казалось, что глаза больше не сфокусированы на мне. Вместо меня она видела что-то очень далекое. – Нас ждут тяжелые времена. Однако должна сказать, я вижу, что Бертрама не призовут на службу. Надеюсь, что тебе будет легче, если ты будешь это знать. У него слабое сердце. Ну а Эрик умеет выживать в любых условиях, так что не беспокойся ни за одного из них.

Я попыталась затолкать в глубины памяти воспоминания о том сне в охотничьем домике, но мадам Аркана уловила, что мое беспокойство не проходит.

– Если ты думаешь про дворецкого, Маклеода, то его судьба не определена, но поскольку твой жизненный путь соединяется с жизненным путем Бертрама, ваши дорожки с Маклеодом расходятся, хотя и будут снова пересекаться. – Она тряхнула головой, и ее взгляд снова стал нормальным. – Что бы ни случилось, твой младший брат слишком молод, чтобы попасть в эти жернова. Кто знает, может, ему повезет, но как-нибудь неожиданно, и счастье придет к нему как-то опосредованно.

– Вы знаете про Джо?

– Эрик мне многое о тебе рассказал, когда только завербовал. Он очень тщательно проверяет такие вещи. Знакомится со всеми документами, всеми возможными способами докапывается до информации. Не важно, каким таинственным он пытается казаться, большую часть имеющихся сведений он получает в результате самой обычной кропотливой и нудной работы. А я получаю много информации с другой стороны.

– А-а, – только и могла сказать я.

Мадам Аркана наклонилась вперед и легко похлопала меня по руке.

– Я имею в виду немцев, дорогая. Что еще я могла иметь в виду? – Она подмигнула мне, затем встала, проводила меня до выхода из шатра. – Да, мисс Сент-Джон, расклад получился очень интересный. Вы, конечно, со мной согласны. Буду рада, если вы чуть позже решите вернуться на спиритический сеанс.

Она шагнула назад и исчезла за шторой. Я осталась стоять в одиночестве в Хрустальном дворце. Осеннее солнце было высоким и ярким, но надо мной теперь сгустились облака.

Я нашла Риченду в кафе вместе с Эми. Перед ними стояла тарелка с пирожными, они пили чай. Заметив мое приближение, Риченда кивнула.

– Присаживайся. Должна отдать должное немцам, у них великолепная выпечка и очень сытная. Вот этот шоколадный торт выглядит таким тоненьким, но весит как тысяча кирпичей – тысяча кирпичей с божественным вкусом, но я не уверена, что в ближайшие несколько часов смогу сдвинуться с места.

После этой фразы она сделала паузу, чтобы отправить в рот большой кусок булочки с кремом. На лице промелькнуло блаженство. Эми мне улыбнулась.

– Мы пока мало что видели на выставке, тетя Эфимия, – сказала девочка. – Несмотря на эти хитро придуманные тенты, маме все равно было жарко, и я предложила выпить чаю.

– И конечно, там, где чай, должны быть пирожные, – заметила я.

– Конечно, тетя Эфимия, – согласилась Эми с невозмутимым выражением лица.

– Налей своей тете чашку чая, – велела Риченда. – А где Бертрам?

– Встретил знакомого, – ответила я, принимая чай, но отказываясь от последнего пирожного, чем заслужила благодарность Эми.

– Вот так всегда с этими мужчинами!

– А Рори где?

– О, Маклеод отправился посмотреть на какой-то немецкий механический экспонат. И он едва ли мог меня сопровождать, не правда ли?

– Хм, – задумчиво произнесла я. – Тебе позволено гораздо больше, как замужней даме. Для меня такие вольности недопустимы. Я ожидала застать его с вами. Меня пригласили на спиритический сеанс, и я надеялась, что ты составишь мне компанию. Но это не для Эми.

У Риченды загорелись глаза.

– Как интересно!

– Возможно, ты помнишь медиума. Она один раз приезжала в Стэплфорд-Холл. Мадам Аркана.

– Я не очень-то поверила в ее способности, – сказала Риченда. – Но помню, что она выделяла тебя. Говорила что-то о смерти, витающей вокруг тебя.

– Ну, я предпочла бы, чтобы не витала, – призналась я. Глаза у Эми округлились.

– Я уверена, что у них тут есть посыльные, – продолжала Риченда. – Я пошлю какого-нибудь парнишку за Маклеодом. Он присмотрит за Эми. В конце концов, он же работает на семью.

Поскольку Бертрам без вести пропал, мне пришлось мысленно пожертвовать Рори, который, как я знала, терпеть не может заниматься детьми. Его быстро нашли и сообщили о его обязанностях. Он только раз взглянул на выражение моего лица и не стал возражать. Риченда собрала свои многочисленные вещи – зонтик, сумочку, шарфики, заколки для волос и заколки для шляпки, которые она всегда раскидывает вокруг себя. Ее носовые платки сами собой вылезли из рукавов и, конечно, ее окружали маленькие холмики крошек, подтверждавшие долгое пребывание в кафе, где она получила явное удовольствие.

– Раньше она столько всего с собой не таскала, – тихо сказала я Рори. – Но теперь даже сумочка кажется тяжелой, будто набита пепельницами и бутылочками с духами.

– Может, и набита, – ответил Рори. – Сейчас она кажется мне гораздо более странной, чем когда-либо в Стэплфорд-Холле. Кстати, мне показалось, что я видел Бертрама с нашим знакомым, имя которого мы не упоминаем всуе.

– Все так и есть. Именно поэтому ты безропотно согласился с навязанным поручением?

– Если худшее, что мне предстоит сегодня сделать для моего короля и моей страны, – это проследить за не по годам развитым активным ребенком, то это будет гораздо проще, чем то, что мне приходилось делать раньше.

Я никогда не стала бы защищать Фицроя, поэтому просто кивнула. Мы с Рори одновременно вздохнули.

* * *

– Заходите, дамы и господа, – говорила мадам Аркана, собственноручно придерживая штору. – Мне удалось перенаправить поток посетителей от моего маленького шатра, так что нам никто не помешает. Это не только порадует духов, но и позволит вам задавать любые вопросы. – Она легко улыбнулась. – Конечно, я собрала здесь группу избранных гостей. Не стесняйтесь задавать вопросы вслух: находясь в трансе, я понимаю и передаю смысл по малейшему намеку. Однако я не могу ручаться за духов. Чем лаконичнее и точнее ваш вопрос, тем больше вероятность, что они точно так же ответят вам. – Она усмехнулась. – Духам нравится наше внимание. Я знаю, что быстрее всех на призывы медиума отвечают те, кому скучно на той стороне.

Мы неловко кучковались перед входом в шатер, открытым мадам Арканой. Похоже, что никто из нас не хотел заходить первым.

– Простите меня за мой вопрос, – заговорил джентльмен слева от меня с легким немецким акцентом. – Она утверждает, что Царство Божие – это не рай?

Я повернулась и посмотрела на одетого с иголки мужчину средних лет, который очень серьезно смотрел на меня карими глазами. Вероятно, у меня на лице отразилось удивление.

– Простите меня, если я кого-то оскорбил, – продолжал говорить этот джентльмен. – Насколько мне известно, в вашей стране не принято обращаться к даме, если вы раньше не были представлены. В моей стране это тоже не принято. Но я верующий человек. Я принял это приглашение только из дипломатических соображений. Но если эта – как вы их называете? Посредница? – собирается бросать тень на милость Божью, я не могу войти.

– Уважаемый, вы когда-нибудь слышали про англиканскую церковь? – спросила Риченда, поворачиваясь к мужчине, прежде чем я успела раскрыть рот. – Мы основали христианство. Это христианская страна, с верующими людьми, а мадам Аркана – добродетельная христианка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.